

Лидия Алексеевна Чарская

Семья Лоранских



Лидия Чарская
Семья Лоранских

«Public Domain»

1909

Чарская Л. А.

Семья Лоранских / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1909

Быстро, быстро летит неуязвимое время... Проходят дни, недели, месяцы, проходят и канут в лету... Меняются люди, меняются обстоятельства их жизни. Набегают грозы, сверкают молнии, грохочут громы событий. Горе, радости, и опять горе и опять радости чередуются, сменяясь одно другим. И в сером домике у «синего моря» время вывело целую сеть событий и эпизодов для того, чтобы снова вернуть сюда, в это мирное гнездышко, тихое безмятежное былое счастье...

© Чарская Л. А., 1909

© Public Domain, 1909

Содержание

I	5
II	9
III	12
IV	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лидия Алексеевна Чарская

Семья Лоранских. Не в деньгах счастье

I

– Адмиралтейская площадь! – громко выкрикнул голос кондуктора, и конка остановилась.

Молоденькая девушка, сидевшая у самой двери вагона с неуклюжим узлом на коленях, проворно вскочила со своего места и, обеими руками придерживая ношу, вышла из конки.

Промозглый серый октябрь стоял над Петербургом. Дождь неприятно моросил в лица прохожих. На тротуарах было мокро и скользко.

Но молодая девушка, казалось, и не замечала неприглядной картины осеннего петербургского дня. Заботливо прижав к своей груди узел, с раскрытым зонтиком над головой, она торопливо шагала по Невскому.

Девушка была премиленькая. Из-под дешевенького фетра выбивались непокорные завитки огненно-рыжих кудрей, обстриженных в кружок, как у мальчика. На снежно-белом личике, слегка усеянном мелким бисером веснушек, ласково и ярко сияли большие добрые глазки, синие, как васильки... Тонкие брови девушки, слегка рыжеватые, придавали что-то оригинальное и милое всему свежему личику с вздернутым носиком и пухлыми губами. Тоненькая, стройная, она имела вид скорее подростка, нежели взрослой барышни. И походка у нее была торопливая и стремительная, точь-в-точь, как у школьников, которые бегут по утрам в школу, боясь опоздать к урокам.

Поравнявшись с Казанским собором, девушка высвободила правую руку и набожно перекрестилась.

– Дай Бог удачи! – прошептали ее пухлые губки и она еще быстрее и решительнее зашагала по тротуару и вскоре скрылась в подъезде, над которым синяя вывеска гласила: «С.-Петербургский городской ломбард».

Поднявшись по широкой лестнице во второй этаж, она вошла в отделение приема залогов.

Рыженькая девушка быстро развязала узел и положила на прилавок скромный летний жакет песочного цвета, такую же юбку и поношенную драповую кофточку с бархатными отворотами.

Оценщик долго разглядывал и отряхивал вещи, как бы желая проникнуть в самую глубь стареньких тканей. Наконец, покачав головой не то с сожалением, не то с легкой иронией, он произнес, глядя на девушку поверх очков:

– Четыре рубля, барышня.

Свежее личико молоденькой клиентки вспыхнуло до корней рыжеватых завитков, до белой тоненькой шейки, выходящей из-под отложного мерлушкового воротничка жакетки.

– Ах, пожалуйста, – произнесла она смущенно, – накиньте... в прошлый раз мне у вас же пять за нее давали... и вдруг... Пожалуйста, прибавьте.

Оценщик еще раз встряхнул вещи и, снова сокрушенно помотав головой, крикнул кому-то в пространство:

– Пять рублей. Драповый жакет и летний костюм оба держанные, пять рублей, – и дал рыженькой девушке бланк с четко написанным на нем номером и цифрой залога.

Девушка приняла бумажку из рук оценщика и отошла к кассе, за проволочной решеткой которой сидела полная дама в пенсне. Ждать пришлось каких-нибудь три минуты, не дольше. Дама выкрикнула номер бланка и рыженькая девушка получила квитанцию, на которой кра-

сиво выделялся новенький золотой пятирублевик. Она поспешно спрятала и то и другое в маленькое потертое портмоне и вышла из ломбарда с легким сознанием душевной удовлетворенности.

А на улице по-прежнему моросил нудный осенний дождик, по-прежнему бежали под открытыми зонтиками редкие пешеходы и плелись сонные «ваньки» с поднятыми верхами.

Рыженькая девушка подобрала платье и отважно зашагала по мокрому тротуару. На душе у нее было хорошо и весело, несмотря на ненастье. Все складывалось так славно сегодня! И оценщик не заметил большого пятна на подкладке жакета и дал ей именно столько, сколько ей было нужно, и народа не было в ломбарде, так что она успеет к обеду домой; вдобавок она еще принесет экономию, оставшуюся от двух конок, потому что, несмотря на просьбы матери ехать на конке от Адмиралтейства до ломбарда, она прошла туда пешком.

«Не купить ли к чаю сушек у Андреева? – подумала девушка, проходя мимо большой булочной, приятно пахнувшей на нее запахом свежих булок сквозь открытую дверь, – мама так любит сушки!» – добавила она мысленно и уже готовилась войти в булочную, как вдруг услышала позади себя знакомый голос:

– Ну, и бежишь же ты, Лелечка! Едва догнал!..

Рыженькая девушка, которую звали Лелечкой, обернулась. Перед ней, под зонтиком, стоял молодой человек с портфелем подмышкой и в форменной чиновничьей фуражке. Его добрые близорукие глаза щурились и улыбались. Полные губы улыбались также, сверкая крупными зубами, белыми, как сахар. Русая вьющаяся борода красиво удлиняла его несколько круглое лицо, с здоровым румянцем во всю щеку.

И это улыбающееся лицо, и эта веселая улыбка так мало подходили к скучному дождливому петербургскому дню и сердитым лицам прохожих!

– Володя! – весело выкрикнула Лелечка, – вот не ожидала... Разве ты уже со службы?

– Да, разумеется, – с тою же веселою улыбкою произнес тот, – не в моих правилах уходить со службы до ее окончания, Елена Денисовна!

– А ты почему так давно у нас не был? – недовольно протянула девушка и косо посмотрела на своего спутника своими синими, ясными глазками, которые, казалось, располагали, каждого в пользу их владелицы.

– Не сердись, Лелечка, уж так вышло! – виновато произнес Владимир Владимирович Кодынец (так звали молодого чиновника) и вдруг, взглянув на ноги своей молоденькой спутницы, он воскликнул с неподдельным ужасом: – Батюшки, да ты в туфлях! Ведь это безумие, Лелечка! Долго ли простудиться и схватить кашель, бронхит, воспаление легких...

– Гнилую жабу... дифтерит... бугорчатку, – dokonчила его спутница и расхохоталась.

Но Владимир Владимирович не разделял, казалось, веселья Лелечки. Он чуть ли не с отчаянием продолжал смотреть на ее маленькие ножки, одетые в прунелевые туфельки и мелкие галоши, щедро смоченные дождем.

– Разве можно так, – говорил он сокрушенно. – Ай, ай! ай! И что это мамаша смотрела? Как решилась она отпустить тебя так? И почему ты высоких сапог не надела, Лелечка? – негодовал он, глядя с укором в ее синие смеющиеся глазки, своими добрыми серыми близорукими глазами.

– Фу, какой ты сегодня скучный, Володя, – полушутливо, полунедовольно произнесла Лелечка, – и все-то тебе знать надо... Пожалуйста, мамаше не вздумай только насплетничать, что я ноги промочила. Мои сапоги надел Граня... У нас одна нога... Надел в гимназию... у его сапог подошвы отлетели... Нельзя же так. Ну, вот и пришлось мне надеть туфли. Ты молчи только, а то Гране попадет еще! Недавно, ведь, ему подошвы новые ставили, а он опять...

– Да ты хотя бы дома сидела! – окончательно вознегодовал Кодынец, – если уж сапоги брату отдала. А то в эдакую непогоду чуть ли не в ночных туфлях... Бога ты не боишься!

– Как раз! Вот-вот только и сидеть дома! А кто в ломбард поедет? – задорно тряхнув своими рыжими кудрями, произнесла Лелечка.

– Опять у вас значит безденежье, Леля? – совершенно другим, новым голосом произнес Владимир Владимирович, – и как тебе не грех по ломбардам ходить? Спросила бы у меня! – произнес он с нежным укором.

– Ай, что ты? что ты, Володя?! Мы и так тебе Бог знает сколько должны... – залепетала Лелечка. – Нет, нет, ни за что больше нельзя у тебя брать. И потом деньги у мамы есть... на хозяйство есть... А это для нас... т. е., для Валентины. Видишь ли, Валентине окончательно дебют дают. Сегодня бумагу из театра прислали, – понизила она почему-то голос до шепота, – в настоящий театр, понимаешь, и с настоящими актерами!.. Ну, и костюм у нее есть... юбка, то есть, а кофточку сшить надо... красную шелковую кофточку... Это я говорю... А Валентина говорит – желтую... Как ты думаешь – какую?

Но Кодынцев не слышал вопроса Лели. Он ласково и нежно смотрел на нее и думал:

«Милая, милая девочка! И всегда-то ты была, и останешься такой милой и славной! Будешь бегать в дождь и слякоть по ломбардам закладывать свое последнее убогое платьишко, чтобы доставить удовольствие другим. И никто не оценит тебя по заслугам, как бы следовало. Каждый будет требовать от тебя выгоды и пользы и вряд ли сумеет поблагодарить твое чуткое, доброе сердечко, бьющееся любовью и заботой к другим».

И он смотрел с ласковым участием на ее тоненькую, тщедушную фигурку, отважно шагавшую о бок с ним по мокрым плитам Невского проспекта, и думал, что вот эта чудная, добрая Лелечка дорога и мила ему, как родная сестра. А они даже и не родственники с нею, просто детьми росли вместе и играли в былое беспечное время.

Звонкий смех Лелечки разбудил Кодынцева от его задумчивости.

– Какой ты смешной, Володя! – хохотала девушка, – ты сейчас зонтиком чуть цилиндр с того господина не сбил! Он бранится, а ты самым серьезным тоном говоришь себе под нос: «Очень вам благодарен...» Ха-ха-ха!

Но вдруг смех ее разом прервался. Страшный ливень хлынул внезапно и мигом наводнил и тротуары и улицу...

– Извозчик! – закричал Кодынцев не своим голосом, – в Галерную гавань! Живо!

Что ты, Володя! Ведь, мы на конке можем! – запротестовала Леля, – отлично на конке бы...

Но было уже поздно. Не торгуясь с хитроватым на вид «ванькой», заломившим, глядя на ненастье, чудовищную цену. Кодынцев отстегнул фартук и, энергично взяв Лелю за руку, посадил ее под закрытый верх в пролетку.

– Так будет верней, – произнес он весело, сам усаживаясь подле девушки.

– Ну, а про кофточку ты мне все-таки ничего не сказал, Володя! – снова заговорила Лелечка, когда их пролетка миновала стоявшие у Александровского сквера конки и легко покатилась по торцовой мостовой по направлению к Дворцовому мосту.

– Какую кофточку? – недоумевающе переспросил Кодынцев.

– Ах, какой ты рассеянный, Володя! – заволновалась она. – Я тебя про Валентинину кофточку спрашиваю. Какого цвета ей шелка купить: красного или желтого? По-моему – красного, потому что Валентина бледна немного, а в красной кофточке она будет чудо какая хорошенькая! Желтая к ее цвету лица не пойдет. Правда?

– Правда, Лелечка, – весело согласился Кодынцев.

– Ну, и отлично, – обрадовалась она. – Я тогда ей выберу красную. Скажу – Володя посоветовал. Хорошо?

И Лелечка с лукавой улыбкой заглянула в его глаза, сиявшие ей с братской лаской из-под козырька чиновничьей фуражки.

– Лелечка! – неожиданно произнес Кодынцев. – Смотрю я на тебя и думаю: всегда-то ты всем довольная, радостная, хлопотливая, как воробушек. И, глядя на тебя, самому весело на сердце станет... Все-то у тебя так гладко и хорошо выходит. Счастлива ты, Лелечка?

Лелечка только звонко расхохоталась в ответ своим детским серебристым смехом.

– Странный ты сегодня, Володя! – произнесла она сквозь смех, – то цилиндры с прохожих зонтиком сбиваешь, а то философствовать начал... Ха, ха, ха!

– Какая ты милая, Лелечка! Как ты всегда развеселить умеешь. Ведь, для нас всех как солнышко для мира, нужна. Дай тебе Бог подольше таким дитятком оставаться! Ни задумываться, ни печалиться не пристало твоей головке, детка...

– Потому что она рыжая, – с комической серьезностью заключила та, – а все рыжие ужасно веселые и ужасно глупые! Мне и печалиться-то некогда, Володя! Сам знаешь небось. Утром надо Граню чаем поить, в лавку сбегать – Фекла мяса порядочного выбрать не умеет, Павлука в академию отправить... А там, смотришь, завтрак. Пошить что-нибудь надо... А потом Граня возвращается. С ним потолкуешь. Глядишь, и Павлук является. Опять обед. А тут и друзья наши тут как тут. Самовар, закуска... Валентина от своего хозяина вернется... К одиннадцати часам так устанешь, что только-только до постели дотянешься. Какая уж тут задумчивость! Нет, мне всегда работать весело. Ведь не Валентине же хлопотать по дому. Валентина – красавица. Ей и работать-то грешно. У нее, взгляни, ручки – точно у принцессы крови. А мои – гляди!

И она протянула к самому лицу Владимира Владимировича крошечные ручонки в стареньких перчатках, сквозь прорванные пальцы которых выглядывали ее розовые коротко стриженные ноготки.

– Славная ты! – произнес Кодынцев и поцеловал старенькие перчатки в том самом месте, откуда выглядывали розовые пальчики. – Славная ты, родная моя сестренка!

Он хотел добавить еще что-то, но в ту же минуту пролетка остановилась у небольшого серого домика-особняка в одной из маленьких улиц Галерной гавани.

– Вот и приехали! – радостно произнесла Лелечка, слезая. – Вы к нам, или домой пойдете, господин государственный чиновник?

– Если позволите, к вам, госпожа беззадумчивая барышня.

– «Если позволите!» – передразнила его Лелечка с усмешкой. – Вот еще как разговаривать выучился. Нечего важничать! Ну, руки по швам и марш за мною. Живо!

Кодынцев с улыбкой последовал за нею.

II

Семья Лоранских жила в собственном сером домике «у самого синего моря», как говорил старший из детей, Павел Денисович или Павлук, по семейному прозвищу, студент медицинской академии. Марья Дмитриевна Лоранская овдовела как раз перед рождением своего последнего сына, Грани, и теперь жила на крошечную пенсию, оставленную ей мужем-чиновником, да приработком старших детей, Валентины и Павла, из которых первая, в качестве чтицы, занималась у одного старика, другой давал уроки. Кроме того, верх домика отдавался внаймы.

Серый домик был дан в приданое за Марьей Дмитриевной и все ее дети родились и выросли в нем. Это был совсем особенный домик. С утра до ночи там кипела жизнь, звучали молодые, свежие голоса, мелькали юные здоровые лица. Утром все расходилось, чтобы сойтись снова к обеду, а вечером, после чая, в сером домике поднимался дым коромыслом: молодежь пела, играла, хохотала... Товарищи Павла по Академии приходили сюда запросто, в рубашках-косоворотках или в стареньких заплатах тужурках, пили чай с булками или с простым ситным, ели грошовую колбасу и веселились так, как, наверное, уже не умеют веселиться в княжеских палатах.

И не бледная спокойная красавица Валентина, не рыженькая хлопотливая Лелечка, ни Павлук, ни Граня, притягивали к себе молодежь, – просто в сером домике все располагало к веселью, смеху, дружеским спорам и милым беседам. На глазах этой молодой толпы поднялась и расцвела Валентина, выросла Лелечка, и никому в голову не приходило ту или другую принять за взрослую барышню и, когда в один прекрасный день сияющая Марья Дмитриевна объявила за чаем, что «Валечка просватана», все как будто тут только заметили и то, что Валентина – девушка-невеста, и то, что она – взрослая красавица. И вдруг всей этой шумно веселившейся молодежи стало обидно, что один из членов ее как бы отпадает от них, став на положение барышни-невесты. Когда же узнали, что жених Валентины, Владимир Владимирович Кодынец, друг детства юного поколения Лоранских и их ближайший сосед, все встрепенулись и даже обрадовались предстоящей свадьбе. Кодынец был славный, хороший человек, а Валентина – совершенно исключительная барышня-невеста: она не уединялась от других со своим женихом, как это обыкновенно происходит у помолвленных, а просто и мило держала себя с ним в обществе товарищей брата, по-прежнему бегала с ними на «верхи» в Александринку и отбивала себе мозоли, хлопая любимцам актерам. И снова в сером домике поднимался дым коромыслом и молодежь бежала сюда отдыхать от лекций, а иной раз поверять свои невзгоды доброй, чуткой, по матерински отзывчивой ко всем им Марье Дмитриевне, или незаменимому другу-советнику во всех житейских делах, Лелечке, и, наконец, к Павлуку, готовому содрать с себя последнюю рубашку и дружно поделиться ею с неимущим.

С Валентиной и Граней откровенничали меньше: с первой – вследствие ее внешней холодности и исключительного положения невесты, с которым, как-никак, а приходилось все-таки считаться, со вторым – в виду его крайней молодости.

Но больше всех в смысле дружеских откровенностей и всяких душевных излиятий перепадало Лелечке. С нею обращались запанибрата, по-товарищески; ей рассказывали с особенной охотой про маленькие и большие невзгоды и радости... Лелечка имела драгоценную способность помочь, утешить, посоветовать, выпутать из беды.

– Мирская печальница! – любовно приглаживая ее рыжие кудри, говорила Марья Дмитриевна, гордясь своей дочуркой.

Впрочем, изо всех своих четверых детей Лоранская особенно любила своего последнего младшего сына, Граню, родившегося двумя месяцами позднее смерти отца. Граня был общим кумиром. Он жил точно юный принц среди своих подданных. Каждый из членов маленькой

семьи считал своей обязанностью баловать Граню. Происходило ли это вследствие того, что ребенок, не видевший отцовской ласки, возбуждал нежное сочувствие близких, или сам по себе Граня, красавчик собой, нежный, как девушка, располагал к себе своими внешними достоинствами.

Даже Валентина, не любившая проявлять особенную нежность, и та, нет-нет, да и выражала ее по отношению к младшему брату. А о Лелечке и Павлуке и говорить нечего – те просто таки боготворили Граню.

Вообще, семья Лоранских шутливо разделялась их ближайшими друзьями и знакомыми на две половины: аристократическую, состоящую из Валентины и Грани, и демократическую, в состав которой входили сама Лоранская, Павлук, Леля и краснощекая глуповатая, но честнейшей души девушка Феклуша, жившая уже десятый год в сером домике.

Когда Лелечка с Кодынцевым вошли через крошечную прихожую в столовую, вся семья была в сборе, готовясь приступить к обеду. Из открытой в прихожую двери кухни шел очень вкусно пахнувший пар и наводнял собою столовую, так что сидевшие там за столом четыре фигуры казались плавающими в облаках.

– Наконец-то! Где тебя носило? – весело крикнул по адресу вошедшей Лели молодой некрасивый медик с веснушчатым лицом и мясистым носом, но с большими умными карими глазами, смотревшими бойко, весело и добродушно.

Забавный хохолок белокурых волос, торчавший над его умным высоким лбом, придавал всему лицу молодого человека не то задорный, не то бесшабашный вид. Плотный, широкоплечий, в расстегнутой тужурке, из под которой алела кумачовая красная косоворотка, с этим бойким, задорным, улыбающимся лицом, Павел Лоранский казался именно тем «рубахой-парнем», каким его справедливо считали окружающие. Совсем противоположным ему был младший брат Граня, сидевший подле матери, полной маленькой добродушной женщины с чудом сохранившимися черными, как смоль, волосами, несмотря на ее преклонные пятьдесят шесть лет. Граня был миниатюрен и строен, как девушка: те же огненно-рыжие волосы, как у сестры Лели, только с более крупными кудрями, обрамляли нежный белый лоб юноши; большие синие глаза, немного вызывающие и гордые, настоящие глаза общего баловня, зорко и насмешливо поглядывали из-под тонких темных бровей. Эти брови при рыжевато-красной шапке волос да тонкий породистый, точеный носик на нежно-розовом почти девичьем лице и составляли главную прелесть красоты Грани.

Валентина, высокая, стройная брюнетка, на первый взгляд, не поражала красотой. Но достаточно было взглянуть в ее матово-бледное, как будто всегда немного усталое лицо, заглянуть в глубь ее загадочно странных зеленоватых глаз под темными ресницами, на ее гордый рот, редко дарящий улыбкой, и невольная мысль прокрадывалась в голову при виде молодой девушки:

«Да, это – какая-то странная, не заурядная внешность, какая-то исключительная красота, богатая не обилием красок, а тайным смыслом, проглядывающим из-под каждой черточки этого бледного спокойного лица».

При виде Кодынцева глаза Валентины, опущенные до того на тарелку, чуть сощурились. Легкая краска оживила лицо. Она точно похорошела и как бы просветлела сразу.

– Володя! – прозвучал ее грудной нежный голос. – Вот приятный сюрприз!

– Не хотел идти! Я притащила силком! – весело крикнула Лелечка и быстро наклонившись к уху сестры, зашептала с деловым видом: – Пять рублей дали! Понимаешь? Торговалась я... как извозчик!

– Милая ты! – произнесла Валентина, улыбнувшись одними своими зелеными глазами, и подвинула свой стул, чтобы дать около себя место Кодынцеву.

– Не взыщи, брат, что в паровую ванну попал, – со смехом произнес Павел Денисович, дружески хлопнув по плечу Кодынцева. – Это, брат, у нас случается.

– Мама, а все-таки не мешает дверь прикрывать, – вмешался Граня с легкой гримаской, – а то весь кухней пропахнешь... Даже и в гимназии заметили. Василий Никандрович за уроком и то сказал: «Кто это у вас, братцы, луком душится?» Срам. И все на меня посмотрели... как по команде. Чуть не сгорел, ей-Богу!

– Так уж вот сразу и на тебя, – недовольно заметила Лоранская. – Воображение это одно!

– Пойдите, мама, – примиряюще заметила Валентина, – правда, неловко, если кухней пахнет... Слушай, Граня, ты у меня духов возьми завтра, как пойдешь. Знаешь, Володины духи, которые он мне на рождение подарил... Только не все, слышишь... А то ты весь обольешься. Знаю я тебя, пусти козла в огород! – и она улыбнулась, показав частые крупные зубы, сверкающие белизной.

После обеда Валентина отказалась от обычного чая и, сказав всем одно общее «до свиданья», вышла из дома.

III

Валентина шла не торопясь, точно на прогулке, по левой стороне Большого проспекта. Ей не к чему было спешить. Старик Вакулин, у которого она состояла в качестве лектрисы, ждал ее ежедневно к шести часам, а теперь было только половина шестого. Жил Вакулин недалеко, в семнадцатой линии, и Валентина успевала в каких-нибудь двадцать минут попасть к нему из своей Гавани.

Ровно без десяти шесть девушка звонила у большого одноэтажного дома-особняка, окрашенного в мрачную коричневую краску. Тщедушный пожилой лакей с серыми бакенами открыл ей дверь. Валентина поднялась по широкой лестнице, устланной ковром, на круглую площадку, с правой и левой стороны которой было по двери; одна вела в приемную старика, другая в его кабинет, столовую и прочие комнаты. Валентина вошла в приемную – большое мрачное помещение с круглым столом посередине и венскими стульями у стен. Оно напоминало собою приемную врача. Как и в гостиной врача, здесь были разбросаны на столе журналы, небольшие альбомы с видами Швейцарии и стояла массивная лампа в виде рыцаря-воина.

Но Валентина знала, что не стоит пробегать журналы и газеты, потому что ровно через десять минут раздастся звук колокольчика и тщедушный Франц пригласит ее к барину.

Так было всегда, и она успела уже привыкнуть к порядкам старика Вакулина. В первое время своих занятий молодая девушка приходила за полчаса раньше, мечтая также пораньше освободиться, но это не привело к желанному результату: ее впускали только ровно в шесть часов в кабинет хозяина. Вначале эта педантичность раздражала Валентину, потом она к ней привыкла, как привыкла и к самой личности старика Вакулина.

А привыкнуть было к чему. В первый же день их знакомства, когда смущенная новизной положение Лоранская пришла по публикации предлагать свои услуги и в качестве лектрисы, она увидела худого длинного субъекта в бархатном халате. У старика было суровое, недовольное лицо и брезгливо оттопыренные губы. Глаза его под дымчатыми стеклами было трудно разобрать.

– Вы – лектриса? – отрывисто обратился он к девушке и, пронизав ее с ног до головы тяжелым испытующим взглядом, сказал, как отрезал: – Не годитесь.

– Но почему? – вырвалось у Валентины, помимо ее воли с несвойственной ей горячностью.

– Молоды вы... красивы... ветер в голове бродит. О выездах и нарядах, небось, мечтаете. Ну, не годитесь, да и все тут. Были уж у меня такие.

Валентина вспыхнула. Вся ее природная гордость поднялась и запротестовала в ней.

– Да как вы можете оскорблять меня не зная, какова я на самом деле! – произнесла она строго. – Надо раньше испытать меня, а потом уже изрекать приговор.

Старик опешил. Никто еще не смел разговаривать с ним таким образом. Смелость девушки решительно понравилась ему.

– Ну, ладно, испытаем! – буркнул он себе под нос и сунул в руки Валентине газету.

Валентина читала отлично. Ее грудной звучный голос, так и вкрадывался в душу. Ясная дикция не заставляла желать лучшего. Старик несколько раз одобрительно покачивал головой во время ее чтения и, когда она кончила статью, произнес:

– Спорить не стану, читаете хорошо. Только надо вам сказать, что и те, другие, хорошо читали, а прока из этого вышло не много. Торопитесь, скачет через строки, лишь бы окончить скорее и убежать. А вы так не будете?

– Не буду! – улыбнулась Валентина.

– Ну, вот и хорошо! – неожиданно обрадовался чудак. – А то, что за чтица уж – если как козел скачет. Вас я, пожалуй, возьму, но поставлю вам некоторые условия. Согласны?

– Это зависит от ваших условий – соглашусь я или нет, – отвечала спокойно девушка.

– Ну-с, так слушайте. Во-первых, сидеть спиной к зеркалу, дабы не поглядывать в него каждую минуту, как ваши предшественницы; во вторых, чтобы аккуратно приходить вовремя, терпеть не могу ждать и время терять даром. Поняли?

– Разумеется! – пожала плечами Валентина. Оригинал теперь больше тешил, нежели раздражал ее.

– Ну, а теперь возьмите «Историю цивилизации» Бокля и читайте мне. Только не громко. Я, слава тебе Господи, еще не глухой.

Этот разговор происходил год тому назад в кабинете Вакулина и теперь почему-то пришел в голову Валентине.

Около года уже она ежедневно посещала Вакулина, не глядя на праздники, еще менее их на ненастные погоды, и вполне привыкла к чудачествам старика. Тем более, что занятия эти увеличивали скромный доход семьи Лоранских.

Резкий звонок напомнил Валентине об ее обязанности. И снова щедушный Франц с серыми бакенами появился на площадке, как бы вынырнув из противоположной двери и бесстрастно произнес:

– Пожалуйте, барин дожидается.

Валентина сбросила на ходу осеннюю пелерину на руки лакея и, миновав гостиную с тяжелой допотопной мебелью, вошла в кабинет.

Старик Вакулин не поднялся даже ей навстречу. Он удовольствовался одним коротким кивком головы, Так они здоровались ежедневно.

– Сегодня будем читать Спенсера! – произнес отрывисто Вакулин, когда она села у стола. – Вы, надеюсь, ничего не имеете против Спенсера, сударыня?

Валентина поспешила ответить, что она ничего не имеет против Спенсера, и, поправив зеленый абажур на лампе, принялась за чтение.

Но едва только она успела прочесть две страницы, как старик забрюзжал:

– Что это вы сегодня охрипли, что ли? Без голоса? По секрету читаете-с. Себе под нос.

– Хорошо я буду громче, – спокойно произнесла Валентина. И тут же повысила свой голос, и без того красивый и звучный.

– Ай-ай-ай! – неожиданно вскричал Вакулин. – Да что вы это, точно с цепи сорвались! Глухой я, что ли? Не кричите-с. Народ соберется, подумают пожар!

– Нет, при таких условиях я не могу читать! – вышла из себя Валентина. – Послушайте, и вам не стыдно так издеваться надо мною? Ведь я должна поневоле сносить ваши капризы, потому что бедная девушка, потому что моя семья нуждается в этом заработке, а вы точно нарочно, смеетесь надо мной. Больше у меня нет сил, кажется, выносить этого! Вот, выйду замуж и избавлю вас от своего неприятного чтения, – с грустью проговорила она.

– Как, выходите замуж? Когда?

– После Рождественского поста, должно быть.

– Да как же вы смели скрыть это от меня!? – всхорохорился старик.

– Я не знала, что должна спрашивать у вас разрешения, – улыбнулась девушка.

– Разумеется, должны были! И не ваше дело рассуждать об этом! – снова забрюзжал Вакулин. – Надо было раньше сказать, так мол, и так, а теперь... теперь вы меня из колеи вышибаете... Нужна новая лектриса... Не люблю привыкать. Глупо это – что вы сделали... очень глупо!

– Ну, а это – уж мое дело, – холодно прервала его Валентина. – А теперь позвольте мне откланяться и пожелать вам всего лучшего, так как и вы, вероятно, не пожелаете меня удерживать, да и я должна откровенно сознаться, не особенно жажду продолжать у вас мою деятельность, так как она меня постоянно раздражает. Вы почти всегда недовольны мною, – и, гордо подняв красивую головку, Валентина с самым решительным видом двинулась к двери.

– Стойте! стойте, вам говорят! – почти в голос завопил старик. – Стойте же! Я согласен терпеть вас, хотя вы и наглупили... Я привык... да, привык к вашей методе чтение... и потом... Да стойте же, вам говорят!

Но Валентина уже не слышала. Она была за дверью. Вакулин, как был, так и остался, ошеломленный, недоумевающий, в своем массивном вольтеровском кресле.

Он привык к своей молоденькой чтице и к ее бархатному голосу, глубоко западающему в душу. Чем-то родным, давно позабытым при первом же знакомстве с ней пахнуло ему в душу... Далекое прошлое вспомнилось ему, как давняя позабытая сказка. И другая девушка, до странности похожая на Валентину, с таким же гордым, холодным лицом предстала в его памяти. Эта девушка была его родною дочерью. Немного непокорной и своевольной дочерью, но которую он горячо любил. Ее образ снова воплотился в лице Валентины. Вакулину было приятно, глядя на Лоранскую, вспоминать его дочь, умершую в ранней молодости от тяжелой и долгой болезни.

– Гордая, славная девушка! – произнес Вакулин. – Гордая, славная! – повторил он еще раз, и вдруг лицо его исказилось и глаза под дымчатыми стеклами наполнились непрошеными слезами. – Совсем, как моя покойная Серафимочка! Совсем как она! Моя бедная покойная девочка, – прошептал он.

А Валентина не шла, а летела домой. Она была вся поглощена приятным чувством сознания своей свободы. Отныне ее вечера принадлежат ей, она уже не должна бежать к скучному старику и переносить его чудачества и брюзжание. Она может заниматься ролями, серьезно подготовиться к сцене, поступить на которую мечтает с детства. Несколько раз Валентине приходилось участвовать в любительских спектаклях и всегда очень успешно. Ее бархатный голос и красивая внешность заставляли забывать о неопытной игре юной любительницы. Она много мечтала о том, как бы поступить на настоящую сцену, частью для облегчения жизни родной семье, частью из любви к искусству, которое ее влекло неотразимо. Наконец, брат Павлук выхлопотал ей дебют в Василеостровском театре, где она будет дебютировать на будущей неделе. Как хорошо! И вдруг она окажется талантливой!.. Володя будет гордиться ею!

«Володя»! При одном воспоминании о нем, сердце Валентины наполнилось тихим радостным сознанием счастья. Впереди все было так определенно, ясно и хорошо... Будущая супружеская жизнь с добрым и любящим Кодынцевым, священное служение искусству – это шло дружно, рука об руку в ее мысленном представлении. Неприятный эпизод потери места скрашивался от сознания молодости, сил и счастья. Даже временное лишение тридцатирублевого жалованья не казалось более страшным для нее. Ведь она вдвое больше может заработать, сделавшись актрисой! И это сознание успокоило ее.

IV

Весть о потере места Валентиною была встречена совершенно различно каждым из обитателей серого домика.

Мария Дмитриевна мысленно прикинула свой хозяйственный расчет и пришла к невестелому заключению, что по утрам придется брать ситный вместо булок и беличью шубку в приданое Валентины придется сшить только к будущему сезону.

Граня тоже не без разочарованья сообразил, что новые ботинки и перчатки ему не придется получить к гимназическому балу. Положим, Лелька могла бы дать свои, благо руки и ноги у них почти одинаковые, но Лелька бережет перчатки, как зеницу ока, для Валентиной свадьбы, а сапоги у нее с пуговицами, и их не напялишь на бал.

Зато Павлук, услыша новость, заорал благим матом:

– Молодчага, Валька! Наша взяла! Ишь, ведь, отделала старого брюзгу! Бог с ним! Не найдет он другой такой лектрисы. У тебя голос – бархат лионский... А знаете, господа, у этого Вакулина, говорят, деньжищ видимо-невидимо, – делая большие глаза, сообщил он семье. – И сквалыга же он! К нему наш пятикурсник Мухин ходил вместо доктора. У старика сердце не в порядке. Так он ему целковый дал... за визит... Ей-Богу, только целковый. А ведь домохозяин! Домохозяин! Поймите это!

Кодынцев ужасно обрадовался «свободе» Валентины. Теперь он мог без помехи проводить целые вечера с любимой девушкой.

Правда Валентина теперь больше, чем когда-либо отдастся театру, будет штудировать роли, но он не послужит ей помехой в этом деле, постарается даже помочь, чем может, хотя бы проверять ее по репликам, послушать ее читку, подать совет! О! Он так чуток ко всему, что касается Вали, его Вали! И эта чуточность поможет ему быть ей необходимым.

Что же касается самой Валентины, то она была особенно оживлена сегодня. К вечернему чаю пришли два медика, товарищи Павлука, и Сонечка Гриневиц, подруга Лели, маленькая быстроглазая блондиночка, с милостивым личиком и удивительно тонким, но симпатичным голоском.

Играли в фанты, в веревочку, в свои соседи. Потом Леля села за разбитое пианино, купленное еще при бабушке, и по слуху сыграла модное «*pas d'Espagne*», в то время, как Сонечка, при помощи Грани, учила этому танцу трех медиков, чрезвычайно похожих по ловкости на медвежат. И все хохотали до упаду.

А Валентина с Кодынцевым тихо разговаривали между собою.

– Валя! Валя! – говорил Владимир Владимирович. – Скажи мне еще раз, что ты любишь меня! Я так дорожу этим!

– Да, я люблю тебя, – отвечала Валентина. – Я люблю тебя, Володя, так хорошо, тепло и радостно люблю. Я знаю, я странная, я «не будничная», говорил про меня покойный папа, – уже в детстве я была не будничною, Володя. Меня пленяют блеск, шум, слава или богатство, огромное богатство... Мне хочется видеть все, узнать все! Постичь всю роскошь! Меня это манит, как огонь – мотылька. И какое счастье, что этого нет, что нет у меня этой роскоши. Я не была бы тогда такою, как теперь. Я гордая была бы, пожалуй, как Вакулин. Ведь, я очень, очень тщеславная и люблю, когда мною любят, меня хвалят... Знаешь, – продолжала она после минутного молчание, – что я сделала особенного, что отказалась сегодня от места? А меня это так взвинтило, точно я невеста что натворила. И мне петь, веселиться хочется, прыгать, скакать! Да, да, вашей спокойной, рассудительной Валентине, какою вы все меня считаете, тоже хочется скакать и прыгать. Звуков хочу, веселья, шума, петь, кричать, декламировать...

– Ну и отлично, за чем же дело стало? – подхватил последнее ее слово подвернувшийся Павлук. – Валяй себе... Эй, вы, команда! – прикрикнул он на не в меру расходившуюся молодежь. – Тише вы! Валентина нам сейчас изобразит нечто.

– Валечка! Валентина Денисовна! Валентина, милая! – слышалось со всех сторон и Лелечка, бросив пианино, кинулась на шею сестры.

Валентина вышла на середину комнаты и, скрестив руки и обернувшись к старшему брату, спросила:

– Павлук, как ты думаешь, что мне прочесть?

– «Дары Терека» валяй! «Дары Терека»! Это у тебя так выходит, что хоть мозги в потолок!

– Или «Старую цыганку» Апухтина, – попросила Лелечка.

– Лелечка, – с упреком произнес лохматый медик Декунин, знавший барышень Лоранских еще с детства. – Ну, зачем она вам? Вы сами – воплощение молодости, и вдруг «Старая цыганка»! И потом, неужели же вы Апухтина Лермонтову предпочитаете? А?

Лелечка сконфузилась, залепетала что-то, оправдываясь, но на нее яростно зашикали со всех сторон, потому что Валентина уже начала:

«Терек воеет дик и злобен
Меж увесистых громад,
Буре глас его подобен,
Слезы брызгами летят»...

Валентина читала прекрасно, с тем захватывающим выражением, с экспрессией, свойственной только очень немногим натурам. И куда девались ее холодная сдержанность, ее спокойствие! Пред молодыми слушателями стояла новая Валентина. Бледное лицо ее слегка заалело, зеленые непроницаемые глаза сияли теперь горячим блеском. Что-то радостное, сильное и непонятно-влекущее было в ее чудно похорошевшем лице.

Молодые слушатели словно застыли, восторженно сиявшими взорами устремясь в прекрасные, горячие, как звезды, глаза Валентины.

И вдруг чей-то незнакомый, чужой голос произнес за ними:

– Как хорошо! Как хорошо вы читали!

И вмиг сладкий дурман восторга, охвативший молодежь, рассеялся. Сон прошел – наступила действительность. Все разом, как бы по команде, обернулись в ту сторону, откуда слышался голос. В дверях стоял неизвестный молодой человек, лет тридцати, высокий, стройный, белокурый, в безукоризненном сюртуке и изящном жилете. Белоснежные воротнички и манжеты с блестящими запонками, небрежно повязанный галстук, – все в нем поражало особенным аристократическим изяществом. Его светлые глаза спокойно и остро смотрели с бледного лица, обличающего породу. Тонкие губы улыбались смелой, положительной улыбкой. Видя общий переполох, молодой человек с любезной улыбкой отделился от двери и прямо подошел к Валентине, смотревшей еще затуманенными от вдохновения глазами на неизвестного никому пришельца.

– Простите великодушно, – произнес он приятно ласкающим слух мягким голосом, – простите, что невольно оказался непрошеным свидетелем вашего чудного чтения, но так как прислуга, открывшая мне дверь, сказала, что у вас гости, то я рискнул войти без доклада в ваш приемный день.

– «Приемный день»... «Без доклада»! Слышишь? – незаметно подтолкнул Павлук Лелечку, растерявшуюся при виде такого важного гостя, и юркнул за ее спину, сиюсь удержать обуревавший его смех.

– Я – Вакулин! – делая вид, что не заметил общего смятения, произнес посетитель. – Вы были так любезны занимать моего отца в продолжении года своим дивным чтением... Нет ничего удивительного, что мы не встречались, так как я возвращался домой только к десяти часам, а иной раз и позднее, тогда как вы кончали свои занятия в девять. Теперь же я являюсь по предписанию отца и решаюсь беспокоить вас, Валентина Денисовна, только в силу его усиленного желания.

– Чем могу служить? – спокойно спросила Валентина.

– Но позвольте мне сначала представиться обществу, – немного заминаясь, произнес Вакулин.

– Пожалуйста. Мой брат Павел... Граня... т. е., Герасим... – поправились она с улыбкой. – Сестра... – указала она на пылающую от смущения Лелечку, чуждающуюся всех незнакомых, – подруга сестры, m-lle Гриневич, наши почтенные эскулапы Навадзе и Декунин. Мой жених Кодынцев, Владимир Владимирович... И все... Вот и мама...

Марья Дмитриевна, оповещенная уже Феклой, вышла как раз в эту минуту из столовой со своей добродушной улыбкой навстречу гостю.

Вакулин поспешил к ней и склонился пред ней в таком почтительном поклоне, целуя ее руку, как будто пред ним была знатная барыня-аристократка, а не простая «гаванская чиновница».

Смущенная, красная, Марья Дмитриевна поспешно «клюнула», по выражению Павлука, Вакулина в надушенную голову и произнесла, захлебываясь от волнения:

– Милости просим, милости просим... Мы всегда гостям рады, батюшка! У нас попросту. Уж не побрезгайте, чайку-с. Милости просим, – и вдруг чуть не вскрикнула, потому что Лелечка, пробравшаяся к ней поближе, умышленно наступила ей на ногу.

– Бог с вами! Бог с вами! – зашептала она, пользуясь минутой, когда гость знакомился с молодежью. – У нас ведь колбаса чайная и холодная корюшка от обеда... А ведь его позвали! Ну, как же можно это, мамочка? Ведь сын домовладельца, богач!

– Ну так что же делать, Лелечка? – растерянно мигая, залепетала старуха. – Ну, скажи Феклуше, чтобы за ванильными сухариками сбегала в немецкую булочную, да морошки подала к чаю!

– Как же! будет он есть ваши сухарики и морошку! А впрочем... – и Лелечка поспешно «нырнула» в кухню.

А гость в это время говорил Валентине:

– Отец просил меня, Валентина Денисовна, уговорить вас вернуться к своим занятиям у него. Будьте снисходительны к старику. Он раскаивается, что был несколько резок с вами. Простите его...

– «Несколько резок?» – усмехнулась Лоранская, и оживленное, за минуту до того прелестное лицо ее стало снова холодным и устало-спокойным. – Он был непростительно резок, груб со мною...

– Он раскаивается, Валентина Денисовна, уверяю вас. Он большой чудак, мой отец, но золотой души человек. Его все считают скупцом, но он делает втайне много-много добра, – торопливо проговорил молодой Вакулин. – Ваш отказ искренно опечалил его, так как вы знаете, вероятно, что помимо вашего идеального чтения, отцу приятно было ваше общество: вы так поразительно напоминаете ему его покойную дочь и мою старшую сестру – Серафиму. Я был еще мальчиком, когда она умерла, и не могу судить о сходстве. Но судя по словам отца, это сходство огромное. В вашем присутствии он представлял себе особенно ярко покойную Серафимочку и вы можете себе вообразить, как ему больно поэтому лишиться его... И сегодня, едва дождавшись моего возвращения, старик мой командировал меня к вам с письмом.

И Вакулин вынул из кармана сюртука конверт большого формата, с четко надписанным на нем именем, отчеством и фамилией Валентины, и передал его молодой девушке.

Последняя вскрыла конверт и прочла:

«Не придирайтесь к старику-чудаку и умеете относиться снисходительно вообще к человеческим слабостям. Я успел за год привыкнуть к вашему голосу и методу чтения и, теряя вас, ощущаю большое неудобство. Поэтому предлагаю вам увеличенное жалование ровно на треть вашего оклада и надеюсь на ваше согласие. С уважением – Вакулин».

Валентина кончила и с досадой скомкала записку.

– Передайте вашему батюшке, что мне неудобно это занятие у него и вообще я никогда не возвращаюсь к раз оставленному делу, – произнесла она веско по адресу молодого Вакулина.

Глаза ее холодно блеснули при этом. Алый румянец вернулся на бледные щеки и сделал холодное лицо снова живым и прекрасным.

В эту минуту подбежала Лелечка, успевшая оправиться от первого смущения, хлопотливая и приветливая.

– Валечка, – бросила она сестре, – зови гостя чай кушать!

– Но... – замялся тот, – моя миссия, кажется, окончена, и...

– Ну так что же? Недоразумение, вышедшее с отцом, не должно распространяться на сына, – произнесла Валентина, улыбаясь.

– Прошу пожалуйста! – еще раз радушно пригласила она Вакулина и других и повела их в столовую.

Здесь на чайном столе, на простых фаянсовых тарелках, лежали нарезанная тоненькими ломтиками чайная колбаса, холодная корюшка и стояла сухарница, наполненная доверху теми ванильными сухариками, за которыми успела уже слетать Феклуша в немецкую булочную на «уголок».

Молодежь вначале ужина косо поглядывала на «барина», затесавшегося незванным гостем в их тесный кружок. Но вскоре первое смущение прошло и языки развязались.

– Ну, что ты вздор мелешь! – громко произнес голос Навадзе с сильным восточным акцентом, очевидно, продолжавшего начатую под сурдинку беседу. – Больно ты нужен в твоём «Куринкове»!

– Не скажи... – протестовал Павел Лоранский, – не скажи, брат, там, во всяком случае нужнее, чем в другом месте. В деревне докторов нет. Каждому рады будут. Дайте мне кончить только, дайте крыльям отрасти – махну я в самые дебри, и ни тиф, ни холера, ничто такое повальное у меня в округе не прогостит долго. Ручаюсь!

– Что это ваш брат в провинцию собирается? – спросил Вакулин Валентину.

– Не говорите, батюшка, – вмешалась Мария Дмитриевна, услышав вопрос гостя, – не говорите, спит и бредит захолюстьями разными. В самую-то глушь его тянет!

– По призыванию? – сощурился гость в сторону Лоранского.

– По призыванию, потому что выгоды тут ожидать не приходится, – спокойно ответил Павел. – А вас это удивляет?

– Признаюсь, да! – отвечал Вакулин. – Вы еще так молоды, юны!

– Павлук наш – урод нравственный, – неожиданно поднял голос шестнадцатилетний Граня, – он с десятилетнего возраста бескорыстно хромоногих кошек лечил, которых, по моему, топить следует...

– Молчи ты, мелюзга! – презрительно-ласково осадил его старший брат, – молчи о том, чего не разумеешь... Нет, знаете, – обернулся он снова в сторону Вакулина, – я, действительно, урод, должно быть. Тянет вот меня туда, в глушь, к серым людям, лечить их немощи... Тянет, да и все тут. И не по доброте, заметьте. Доброта у меня еще вилами по воде писана – я нищему никогда не подам, потому что знаю, от моего гроша сыт он не будет, а просто потребность... Вот, как у Лельки потребность всех корюшкой кормить и пуговицы пришивать, – лукаво подмигнул он на младшую сестру, вспыхнувшую, как зарево, – так вот и у меня тяготение к серому

рваному человеку, находящемуся на самой низкой степени общественного развития. Хочется мне к этим детям природы махнуть... да и помочь их телесному и нравственному запустению.

– И это вас удовлетворит?

– Что, то есть? Принесение пользы рваным сермягам, полудикарям захоластья? Да, это за цель своего существования, за прямое свое назначение считаю! Ведь сколько пользы-то принести можно! Ведь, молод я, молод, поймите! Все еще впереди меня... Правда, Володька? – неожиданно прервал себя Павлук, встречаясь глазами с ласково сиявшим ему взглядом Кодынцева.

– Верно, Паша! Верно, голубчик. Давай твою лапу скорее!

– Обе, – протягивая к будущему шурину свои загрубелые сильные руки, – произнес со смехом Лоранский.

– А вы... не разделяете его мнения? – спросил Вакулин у мрачно насупившегося Навадзе.

– Не совсем, – ответил армянин своим гортанным голосом, – я сам жажду приносить пользу. Для того и приехал сюда с моей родины, из моей маленькой Армении. Приехал отсюда, чтобы вернуться туда снова с большим запасом знания. Но не вижу надобности залезать в недра самые отдаленные, когда кругом тебя есть тысячи нуждающихся в твоей помощи.

– А я понимаю Павла! – произнес Кодынцев. – Он знает, что и вы, Навадзе, и вы, Декунин, – кивнул он другому студенту, не принимавшему участие в разговоре, – и Граня – все вы выберете ближайшие по возможности пункты и никого из вас не потянет «по собственному влечению в недра», как выразился Навадзе. А по указанию свыше туда ехать – уж это выходит особая статья. Стало быть, надо ехать Павлуку и десятку других, ему подобных...

– Спасибо, Володя! Спасибо, братец, поддержал, – обрадовался такому заключению Павлук.

– Вы учились декламации? – спросил, переменяв тему разговора, Вакулин, обращаясь к Валентине.

– Нет... А что?

– Вы читаете бесподобно, как актриса.

– Да она и есть актриса, – неожиданно вмешался Павел Лоранский, – до сих пор – любительница, в пользу студентов и курсисток не раз выступала. А в будущее воскресенье дебютирует в качестве профессиональной актрисы в Василеостровском театре.

– В самом деле? – произнес Вакулин. – Это интересно!

Что-то недоверчиво послышалось в возгласе Вакулина, что задело за живое всех сидящих за столом. Сама Валентина вспыхнула до корней волос.

– Что вас так удивляет? Что в нашем медвежьем углу есть доморожденные таланты? – спросил Павел, с чуть заметной иронией.

– О, помилуйте! В таланте Валентины Денисовны я не сомневаюсь! – заторопился Вакулин. – По крайней мере, судя по тому, что я слышал час тому назад...

– Ну, по тому, что слышали, еще судить нельзя: декламация – одно, сцена – другое! – вмешался Кодынцев.

– Валентина талантлива! – произнес безапелляционно Граня. – Хотите убедиться, я вам билет пришлю на ее дебют. Пьеса хорошая! Прекрасная пьеса.

– Очень обяжете! – поклонился Вакулин и тотчас же добавил с любезной улыбкой в сторону Валентины: – Не сомневаюсь, что вы украсите спектакль своим участием.

Гость сидел еще минуты две, потом извинился и стал прощаться.

В дверях он задержался немного и, обращаясь к Валентине, сказал:

– А может быть, вы измените ваше решение по поводу отца... Может быть, осчастливите старика своим возвращением к старому занятию, Валентина Денисовна?

– Я никогда не возвращаюсь назад! – произнесла она отчетливо и, кивнув головой гостю, вернулась к молодежи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.